

Гао Хань в отчаянии зажмурился, но нога, наступавшая на его рёбра, внезапно с силой вдавилась.

— Пожалуйста! Я не буду! Я больше никогда не посмею! Пожалуйста, отпусти меня... — он униженно умолял, совершенно забыв о гордости.

После этих слов нога на его груди действительно перестала давить, и повисла тишина.

Гао Хань с трепетом открыл глаза. Первым, что попало ему на виду, оказался изящный подбородок и мягкие чёрные волосы до плеч, спадающие по обе стороны. Почувствовав его взгляд, человек склонил голову. Его чуть прищуренные, с длинными уголками, миндалевидные глаза казались улыбающимися. Бледное лицо было настолько прекрасным, что на миг можно было принять его за ангела, но у ангела на губах не застыла бы такая кровавая ухмылка.

— Почему перестал умолять? Есть какие-то последние слова? — тонкие губы шевельнулись, и нога словно в унисон с ними снова пришла в движение, перемалывая рёбра Гао Ханя, словно камни.

— Нет-нет-нет... — от боли, словно выдавливающей внутренности, лицо Гао Ханя исказилось. — Пожалуйста, я действительно ошибся, прошу тебя... — он плакал и умолял. Ему не хотелось быть таким трусом, но ничего не поделаешь: десяток его братьев, пришедших с ним, были уже побиты, он остался один и в любой момент мог стать инвалидом. — Я больше никогда не посмею, отпусти меня, клянусь, что больше и ногой не ступлю на твою территорию, правда! Пожалуйста, Цин Е... — он выговорил это имя. Цин Е. Для незнакомых оно звучало как имя великого художника, но чёрт побери! Этот парень был настоящим, стопроцентным демоном! Сын главы Зала Шаньдао в районе Сихун и заклятый враг их Общества Цинло из района Дунхун. Сегодня он действительно пришёл вербовать людей и долго это планировал, но едва ступив в Сихун, попался с поличным. Вот же невезение!

Левая нога Цин Е шевельнулась, словно запасаясь силой, чтобы раздавить дрожащие рёбра, но затем давление ослабло, видимо, он призадумался. Он обвёл взглядом своих подручных и лучших друзей. Ближе всех стоял Толстяк, по паспорту Гао Цюн, крепкий и здоровый, отличный «танк» в битвах, но, к сожалению, мышц у него было больше, чем ума, поэтому его мнением можно было пренебречь. Рядом с Толстяком стоял Линь Муму; неясно, как его мать придумала ему такое имя. Муму был зверем в ближнем бою, но комплекция была худой и дряблой, поэтому Цин Е звал его «Доской» — тот был даже тупее дерева, мастер молчаливости и куда менее милый, чем Толстяк. Остался только один. Взгляд Цин Е скользнул дальше к человеку, сидевшему на ржавой масляной бочке и курившему «сигарету после дела», — Ли Му. Этот парень с вызывающим белым цветом волос держался подчеркнуто холодно. Заметив взгляд Цин Е, Ли Му обернулся, приподнял подбородок и бросил на него взгляд.

Цин Е понял этот взгляд, развернулся и, вместо того чтобы пнуть рёбра, изо всех сил пнул Гао Ханя в живот, отчего тот перекатился по земле.

— Вали! И передай Линь Циншо: если увижу хоть одного его человека в районе Сихун, перебью ему ноги, пусть ползёт назад!

— П-понял, — дрожа, Гао Хань поднялся, бросив лежащих на земле братьев на произвол судьбы, и пустился в бегство, спотыкаясь.

— Тьфу! — Толстяк сплюнул в сторону удаляющейся фигуры. — Цин Е, а что делать с этими собачьими потрохами? — его пухлый палец указал на беспорядочно лежащих людей.

Цин Е бросил на них взгляд, нахмутив изящные брови.

— Плевать, всё равно не замёрзнут, проснутся и сами поползут в свою собачью будку... — как раз в это время кто-то из лежащих на земле, похоже, очнулся, пошевелился, попытаться подняться, но Цин Е снова пнул его ногой.

В этот момент в кармане завибрировал телефон, но Цин Е не взял трубку. Это наверняка был классный руководитель «Розга» с вопросом, почему он сегодня не был на уроках. Он не хотел отвечать, чтобы не слушать нотации, да и ругаться при этом было нельзя. Ничего более унижительного в мире не придумаешь.

Дождавшись окончания звонка, Цин Е достал телефон и посмотрел на время: 6:30.

— Пошли, домой, поесть, — он махнул рукой, сделал широкий шаг, и сзади поспешили Толстяк с Доской, а Ли Му прыгнул с бочки.

Четверо шли по тёмному переулку к ярко освещённой улице. В тот самый момент, когда они должны были ступить на мостовую, фигура Цин Е вдруг застыла. Он широко раскинул руки, преграждая путь остальным, словно желая не пустить их на свет.

Толстяк ещё не понял, в чём дело, посмотрел туда, куда смотрел Цин Е, и увидел на противоположной стороне улицы стройную фигуру. Это был — Байли Чжань! Любовник Цин Е... нет, вернее, тот, кого Цин Е добивался, а если точнее — «тот, кого Цин Е преследовал уже два года и не мог добиться».

Неудивительно, что он так внезапно повёл себя нервно. Пока Толстяк размышлял об этом, Цин Е вдруг повернулся к нему, и его миндалевидные глаза засияли ярче звёзд, затмевая фонари улицы.

— Толстяк!

— ...А? — Толстяк немного опешил под этим взглядом.

— Посмотри на меня!

— С-смотрю.

— У меня на лице есть следы? — Цин Е указал на своё лицо.

Толстяк наконец понял, в чём дело, взгляделся в то белое лицо.

— Есть, на правой щеке немного крови.

— Где? — Цин Е потёрся рукой.

— Чуть выше.

Цин Е потрогал — и правда, пальцы ощутили липкую влагу. Он поднес руку к глазам, недовольно цокнул. Собрался вытереть рукавом правой куртки, но вдруг замер, а в следующую секунду, не колеблясь, подался к Толстяку, схватил его за рукав и стал тереть себе лицо.

— Я ё-моё... — Толстяк ахнул, едва не выругавшись, но сдержался. Что поделаешь, он терпел любые выходки Цин Е, но только как теперь объяснить маме дома?

Вытерев кровь с лица, Цин Е окинул себя взглядом, увидел, что на джинсовой куртке много пыли, тут же снял её и бросил Толстяку.

— Подержи у себя.

Толстяк принял куртку и спросил:

— Ты уверен, что так пойдёшь? Не холодно?

Сняв джинсовку, Цин Е остался только в белой футболке. Едва он произнёс слова «не холодно», как ноябрьский вечерний ветер ударил ему в лицо, заставляя дрожать. Он рефлекторно обнял себя за плечи, тут же разжал руки, размял мускулы, сказал «вы идите домой» и большими шагами вышел на улицу.

— На, — раздался сзади голос Ли Му.

Цин Е обернулся — и прямо в лицо ему полетел большой чёрный предмет. Поймав, он увидел, что это крутая кожаная куртка Ли Му. В той драке Ли Му работал только ногами, так что на куртке не было ни пылинки. Подняв глаза, он увидел, как Ли Му забрал у Толстяка пыльную джинсовку, накинул на себя и высокомерно скатил глаза.

— Спасибо, приятель, — Цин Е ухмыльнулся, натянул чёрную куртку и бегом направился к противоположной стороне улицы.

Когда фигура Цин Е скрылась, Толстяк начал высказывать то, что обычно боялся говорить в лицо.

— У Цин Е сейчас совсем нет вида главы Зала Шаньдао! Скорее похож на маленькую жену Байли Чжання! Ты как считаешь?

Он обернулся к Ли Му, но тот не ответил, только держал сигарету во рту и смотрел туда, где исчез Цин Е, с лицом, полным холодного высокомерия.

Толстяк перевёл взгляд на Муму. Тот сначала кивнул, потом испуганно затряс головой.

Никто не ответил, и Толстяк подвёл итог сам.

— Хо! Действительно — любовь делает людей глупыми!

—

Незаметно, не торопясь, Цин Е шёл следом, пока не увидел, как Байли Чжань вошёл в фастфуд. Тогда он ускорился и завернул внутрь.

К счастью! В это время посетителей было много, но Байли Чжань как раз сидел за отдельным столиком. Длинные ноги Цин Е сделали шаг, и он без колебаний сел напротив Байли Чжання.

— Хэй! Какое совпадение, — Цин Е изобразил безобидную улыбку.

Байли Чжань посмотрел на него и ничего не ответил.